

ГЕННАДИЙ КОСТЫРЧЕНКО

*доктор исторических наук*

## “ЕВРЕЙСКИЙ КРЫМ”: СПЕКУЛЯЦИИ НА МИРАЖЕ

*Бывало, начни о вопросе еврейском,  
Тебе собеседник ответит резко...  
“Еврей — караты, еврей — валюта...  
Любо богаты и жадны люто...  
А тут им дают Крым.  
А Крым известен: не карта, а козырь:  
На лучшем месте — дворы и розы”.  
Так врут рабочим врагов голосá...*

В. В. Маяковский (Трибуна.  
1930. № 11)

### История в жанре триллера

В прошлом советского еврейства именно “крымская история”, пожалуй, больше всего до сих пор будоражит воображение всех конспирологов — от либералов до националистов-“почвенников”. И это неслучайно, ибо в советские годы и послевоенные гонения на евреев и расправа над членами ЕАК прочно связывались в обыденном сознании с предпринятой в 1944 году неудачной попыткой руководителей этой организации создать еврейскую республику в Крыму. Более того, в широко распространённой тогда антисемитской мифологии “дело ЕАК” представлялось не иначе как “крымское”, предпринятое Сталиным, дабы покарать евреев, которые “Крым у России отцать хотели и сделать там новое царство жидовское”<sup>1</sup>. Составной (второй) частью этой легенды стало “дело врачей”, преподносимое в том духе, что Сталин, раскрыв заговор еврейских медиков-профессоров, желавших отомстить ему и его ближайшим соратникам за тайное убийство Михоэлса — несостоявшегося “еврейского царя Крыма”, и устранение других “злоумышлявших” вместе с ним евреев-интеллигентов, направил свой “праведный” гнев против всех еврейских подданных, вознамерившись отправить их на Север. Парадоксально, но тем же самым финалом — планированием депортации — завершилась и другая легенда, которая исходила уже от самих евреев и была распространена в либерально-интеллигентской среде (об этом в следующей статье). Так что неясно: какая из них первична, какая вторична, или они — одномоментны?

Эти апокрифы, будучи порождением официального табуирования темы, отнюдь не сошли на нет, когда с конца 1980-х гг. стали открываться сталинские архивы и, казалось, должна была восторжествовать правда. Напротив,

на волне общественной гиперполитизации они обрели как бы второе дыхание, причём удивительным образом даже в какой-то мере вследствие обнародования документов из этих архивов, точнее, в результате их спекулятивной интерпретации.

И вот «крымская история» из «свидетельства» зловердных козней евреев перелицовывается в нечто идеологически диаметрально противоположное – в провокацию, изначально задуманную Сталиным и осуществлённую МГБ. Даже такой рассудительный и осторожный в оценках Ж. А. Медведев (известный в прошлом диссидент), разбирая перипетии подготовки и направления в феврале 1944 года С. М. Михоэлсом и другими руководителями ЕАК писем И. В. Сталину и В. М. Молотову о создании «Еврейской советской социалистической республики» в Крыму, склонен видеть в этом инспирацию спецслужб, составивших «антиеврейский заговор». Такое суждение, думается, во многом было навеяно изданными в 1990-е гг. книгами П. А. Судоплатова и А. М. Борщаговского<sup>2</sup>. При этом в документальную повесть последнего «Обвиняется кровь» включены целых три взаимоисключающих версии: «Еврейский крымский проект» – это 1) инициатива «выслуживавшихся» перед Сталиным органов госбезопасности; 2) единоличная провокация диктатора, направленная против евреев; 3) спекулятивная (на евреях) интрига Сталина (или Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и А. А. Жданова), имевшая целью дискредитацию Молотова<sup>3</sup>.

И если Борщаговский, выдвигая множество гипотез, вроде бы стремился к поиску истины, чему, впрочем, не способствовала присущая его рассуждениям эмоциональность, то Судоплатов, как представляется, сознательно уклонялся от правды прошлого, рассматривая его в заданном, скорей всего, коммерческим расчётом формате политического детектива\*. В результате пером бывшего «супершпиона» был рождён миф о том, что убийство Михоэлса было как бы продолжением «крымской истории», что, кстати, не поддерживается теми же Борщаговским и Медведевым, и тем более «неопочвенником» В. В. Кожинным<sup>4</sup>.

И в самом деле, «крымское письмо» уже потому не могло быть причиной смерти Михоэлса, что, написанное в феврале 1944 г. и тогда же отправленное в архив, оно вновь всплыло на политическую поверхность только 26 марта 1948 г., то есть спустя несколько месяцев после убийства Михоэлса. В датированной этим числом записке, направленной В. С. Абакумовым Сталину, Молотову, Жданову и А. А. Кузнецову, «письмо» впервые заочно инкриминировалось руководителям ЕАК и курировавшему их по линии Совинформбюро С. А. Лозовскому как доказательство националистической и проамериканской

---

\* Вместо того чтобы максимально правдиво реконструировать прошлое, редакторы и издатели мемуаров Судоплатова нацеливались прежде всего на проект, гарантировавший коммерческий успех. Помню, как вскоре после краха СССР у меня, работавшего тогда в бывшем Центральном партийном архиве, состоялась встреча с главным творцом, своего рода продюсером судоплатовского бестселлера Джеролдом Шектером, осуществившим вместе с русской женой звукозапись воспоминаний советского разведчика, их литературную обработку, а потом и публикацию под названием «Special Tasks. Memoirs of an Unwanted Witness – A Soviet Spymaster» («Специальные задания. Воспоминания нежелательного свидетеля – советского шпиона». – N. Y., 1994). Этот весьма импозантный визитёр (в тёмно-синей элегантной «тройке», поперек жилета которой красовалась золотая массивная часовая цепь), представившись, стал через сопровождавшего переводчика (Ф. А. Розенталя) рассказывать о том, как, возглавляя в 1968–1970 гг. московское бюро журналов «Тайм» и «Лайф», организовал вывоз и издание в США рукописи воспоминаний Н. С. Хрущёва, как потом – при президенте Дж. Картере – работал пресс-секретарём Совета национальной безопасности США, и как сейчас заканчивает работу над книгой о шпионском скандале века – пресловутом деле ГРУшника-предателя Олега Пеньковского. Разъясняя основную цель своего визита, Шектер заговорил о новом издательском проекте, затрагивающем в том числе и «еврейскую политику» Сталина. Он сказал, что ведёт сбор соответствующей архивной фактографии и рассчитывает в этом на мою помощь как специалиста. Будучи заинтересованным в широком научно-культурном использовании этих только что рассекреченных тогда сведений и исполняя указание руководства, я подготовил детальный обзор таковых, причём со всеми ссылками на конкретные дела. Узнав потом, что мой обзор понадобился Шектеру для редактирования воспоминаний Судоплатова, я с нетерпением ждал их выхода в свет. Однако когда это произошло, я, вчитавшись в «еврейские сюжеты» бестселлера, с огорчением обнаружил, что моя информация если и была использована, то лишь для придания этим сюжетам (имевшим, как оказалось, мало общего с реальной историей) некоего правдоподобия.

деятельности. Причём самой этой “уликой” на Лубянке тогда, очевидно, не располагали и о содержании “письма” могли пока судить по пересказам секретных агентов и показаниям арестованного З. Г. Гринберга. И только когда в конце 1948 г. ЕАК был распущен и его архив арестован, текст послания оказался в распоряжении МГБ. 4 декабря Абакумов доложил Сталину и другим членам Политбюро: “Обнаружено несколько проектов записок в адрес руководителей правительства... в которых “исторически” обосновывается необходимость создания [еврейской] республики”<sup>5</sup>.

И выходит, что не “крымское письмо” стало причиной смерти Михоэлса и последующих антиеврейских репрессий, а, скорее, наоборот, тайная расправа над последним, запустив механизм политических преследований, превратила его (“письмо”) в руках властей в средство их обоснования и оправдания, а также в один из главных инструментов начавшейся тогда фальсификации “дела ЕАК”.

Интерпретируя “крымскую историю” в духе голливудского шпионского боевика, Судоплатов в главе с интригующим названием “Калифорния в Крыму” пишет, что, отправляясь в США, руководители ЕАК Михоэлс и И. С. Фефер получили на Лубянке секретное задание установить контакты с американскими сионистскими кругами, прозондировав их реакцию на якобы исходящую от советских верхов идею создания еврейской республики на “лакомом” полуострове. Под этот проект Сталин будто бы рассчитывал получить от США ни много ни мало как 10 миллиардов долларов (цифра воистину фантастическая!), то есть почти столько же, сколько американцы выделили СССР за всю войну по ленд-лизу. А дальше – ещё хлеще: утверждается, что руководители ЕАК, обратившись к Сталину по поводу Крыма 15 февраля 1944 г., сделали это буквально на следующий день после получения их “куратором” Берией приказа о депортации крымских татар<sup>6</sup>. Однако реально всё обстояло совершенно по-другому: решение ГКО “о выселении всех татар с территории Крыма” было принято только 11 мая 1944 г., на второй день после освобождения полуострова Красной Армией, а депортация проводится 18–19 мая (у Судоплатова: в марте – апреле?!)<sup>7</sup>.

Правда, объективности ради следует заметить, что после того, как в конце 1943 г. было осуществлено поголовное переселение в восточные районы обвинённых в пособничестве врагу калмыков, руководители ЕАК могли предполагать, что подобное коснётся и крымских татар, тем более, что соответствующее обсуждение в кремлёвских верхах началось, возможно, загодя, и слухи об этом могли так или иначе дойти и до Михоэлса и его единомышленников. Однако даже если всё так и было и руководители ЕАК хотели воспользоваться, так сказать, благоприятным моментом, то это отнюдь не означает, что они повинны в провоцировании депортации коренного населения полуострова. Ибо татары, да и другое неславянское население Крыма, и без того были обречены на выселение. Этническая чистка в Крыму, который всегда рассматривался советским руководством как стратегический участок обороны страны, была по большому политическому счёту предreshена, и Сталин только выжидал удобный момент и искал подходящий повод, чтобы привести в действие, скорее всего, давно задуманный радикальный план укрепления безопасности этого южного “подбрюшья” своей империи. И, разумеется, он – сугубый прагматик, лишённый каких-либо сантиментов – отнюдь не собирался заполнять постдепортационный этнический вакуум за счёт евреев, пусть даже на это надеялись руководители ЕАК, наивно мечтавшие о Крыме как о некоем воздаянии за беспрецедентные страдания соплеменников в годы войны. Новыми жителями полуострова должна была стать стопроцентно благонадёжная этническая масса, к коей евреи уже с конца 1930-х гг. не причислялись. Показательно, что ещё в ноябре 1938 г. один из руководящих работников аппарата ЦК ВКП(б), побывав в Крыму, довёл до начальства следующее соображение: “Переселять же в Крым можно и нужно. ... Помимо экономического значения этого переселения, оно имеет и оборонное значение. Если принять во внимание многонациональность населения Крыма и то, что в некоторых районах есть колхозы исключительно из иностранных подданных (греки), а также учесть, что националистические элементы (татары и др.) раньше очень ориентировались на своих единоверцев – турок (да, вероятно, и теперь не перестают питать некоторые надежды, в особенности же в связи с изменением ориентации Турции), то со всей очевидностью ста-

нет ясным необходимость и полезность срочного переселения в Крым свежеего колхозника из центральных областей СССР”<sup>8</sup>.

Летом 1944 г. именно на славянское население европейской части СССР – переселенцев из Украины, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областей РСФСР – и была сделана ставка как на новых жителей Крыма, которые в соответствии с постановлениями советского правительства стали прибывать на полуостров взамен вывезенных татар, а также греков, болгар, армян и представителей других нацменьшинств.

Не менее сомнительным представляется и придание Судоплатовым “крымской инициативе” ЕАК статуса некоего крупного международного проекта, отмеченного участием самых влиятельных политических сил послевоенного мира и якобы ставшего чуть ли не ключевым в послевоенных советско-американских политических отношениях. Не утруждаясь приведением документальных доказательств, этот автор утверждал, что перспектива заселения Крыма евреями обсуждалась Сталиным сначала, в июне 1944 г., с президентом американской торговой палаты Э. Джонстоном и послом США в СССР А. Гарриманом, а потом – “сразу же после войны” – и с делегацией американских сенаторов. Однако с наступлением холодной войны, как представлял дело Судоплатов, “наши надежды на получение еврейских капиталов рухнули... и первой жертвой смены курса стал Михоэлс, находившийся в самом центре дискуссии по созданию еврейской республики в Крыму”<sup>9</sup>.

Что касается упомянутых встреч, то они действительно имели место. Однако документально зафиксированное содержание состоявшихся при этом бесед не имеет ничего общего с тем, как их пересказал Судоплатов. Скажем, известно, что 26 июня 1944 г. Сталин совместно с Молотовым, Маленковым, Берией и А. С. Щербаковым принимал в Кремле того же Джонстона и Гарримана. Сохранилась и запись состоявшегося разговора, опубликованная потом в официальном издании МИДа. Судя по ней, в течение почти трёхчасового общения в центре обоюдного внимания были проблемы возрождения советской промышленности после войны и налаживания торговли между двумя государствами в скором мирном будущем. Конкретно, Джонстон выказывал заинтересованность в широкомасштабном приобретении у СССР различного сырья, а Сталин даже пообещал разместить в США миллиардные заказы. Обсуждались также шансы Ф. Рузвельта и его соперников на предстоявших президентских выборах и некоторые другие вопросы. А вот что написал об этой встрече Судоплатов, в ней не участвовавший и о её содержании не информировавшийся: Джонстон якобы был принят Сталиным “для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым”<sup>10</sup>. О том же самом Сталин беседовал и после войны с американскими сенаторами, о чём Судоплатову будто бы стало известно из некоего сообщения (из какого именно, им не уточняется). Между тем, в официальной записи советско-американских переговоров 26 июня 1944 г. зафиксирована немаловажная реплика Джонстона о том, что тот считал себя специалистом по промышленности, а в сельском хозяйстве – профаном. Вот почему после встречи со Сталиным он направился отнюдь не в освобождённый Красной армией Крым, что в свете утверждений Судоплатова было бы логично, а предпринял поездку по заводам Урала.

Впрочем, относительно официальной записи кремлевской беседы от 26 июня 1944 г. может возникнуть резонное сомнение: не изымались ли из неё потом при подготовке публикации “неудобные” для советской власти сюжеты, среди которых мог быть и “крымский”? Конечно, в 1984 г., когда было осуществлено данное издание и когда сильна была цензура, всё было возможно. Однако непохоже, что подобное имело бы место в данном конкретном случае. Ведь все изъятия из оригинальных архивных документов, составивших основу сборника, в обязательном порядке, как специально оговаривалось, обозначались публикаторами во главе с академиком Г. А. Арбатовым отточием, а такового грамматического знака вообще нет в напечатанном тексте интересующей нас беседы<sup>11</sup>. Да и в хранящемся в Библиотеке Конгресса США 11-страничном отчёте участника встречи А. Гарримана отсутствует какое-либо упоминание об обсуждении “крымского проекта”, как, впрочем, и в его мемуарах, а также в воспоминаниях Дж. Кеннана, присутствовавшего на встрече Сталина с американскими сенаторами<sup>12</sup>.

Итак, ни советскими, ни американскими заслуживающими доверия документальными и мемуарными источниками приведенные Судоплатовым “факты” по Крыму не подтверждаются. Тем не менее, у него нашёлся последователь, который поведанную бывшим супершпионом “крымскую историю” довёл до абсурда. Речь идёт о книге В. В. Левашова “Убийство Михоэлса”, выпущенной в свет издательством “Олимп” в 1998 году 11-тысячным тиражом и переизданной в 2003 г. в количестве 3000 экземпляров. При нынешней моде на всякого рода документальные исследования это сочинение, думается, не случайно именно так было разрекламировано, как не случайно и то, что жанровая его характеристика – “роман” – была обозначена не как обычно – на титуле, ниже заголовка, а упрятана в последний абзац набранной мелким шрифтом аннотации. Не исключено, что это было предпринято для того, чтобы сбить с толку неискущённого читателя. Видимо, с той же целью в книгу вкраплены реальные исторические материалы – фрагменты из стенограммы судебного процесса по “делу ЕАК”, выдержки из старых газетных публикаций, отдельные решения высших органов власти и, самое главное, подвёрстанные к финальной главе несколько важных рассекреченных документов из Центрального архива ФСБ РФ. Этим носителям реального прошлого отведена в книге всего лишь подсобная роль – формального “сертификата достоверности”, подпорки некой литературной конструкции, возведенной отнюдь не по канонам историзма, а по далёкой от них произвольной прихоти автора. В его сочинении, пожалуй, единственной правдой является та общая мысль, что за убийством Михоэлса и гонениями на евреев в СССР стоял Сталин. Всё остальное, в том числе политико-шпионские страсти вокруг “крымского проекта”, живописуемые посредством придуманных размышлений героев и их диалогов, а также сымитированных “сверхсекретных” документов, – измышлено либо заимствовано из мемуаров того же Судоплатова и других книг подобного рода.

Иначе как “развесистой клюквой” не назовёшь следующие содержащиеся в книге Левашова откровения. Оказывается, во время войны Сталин вдруг прозрел, что создание Еврейской автономной области (ЕАО) на Дальнем Востоке не решило “еврейского вопроса”, и под предлогом исправления этого он решил предпринять глобальную политическую игру под названием “Создание еврейской республики в Крыму”. Этот лжепроект он якобы пытался использовать для выкачки финансовых средств из союзников, для чего и отправил в США в 1943 г. Михоэлса, которому через Молотова предписал идею “еврейского Крыма” представить как собственную. Однако американские спецслужбы не дремали и очень быстро установили, что отцом “крымского проекта” является не кто иной, как сам “дядюшка Джо”. Приняв его намерение за чистую монету и не почувствовав подвоха, тамошние финансовые “воротилы” из числа евреев, собравшись и поддавшись на уговоры уже “обработанного” Сталиным Э. Джонстоном, решили выделить на обустройство Крыма около 10 млрд долларов (цифра, взятая из книги Судоплатова!). Об этом “историческом решении” американцев в Кремле узнали из “шифровки” агента Хейфеца-Брауна, проинформированного в свою очередь присутствовавшим на встрече помощником госсекретаря Соединенных Штатов Д. Карриганом, завербованным советской разведкой на гомосексуальной почве. По возвращении Михоэлса на родину Сталин, манипулируя Молотовым и Лозовским, чуть ли не силком заставляет артиста написать на его имя “крымское письмо”, чему тот, почувствовав неладное, воспротивился, но потом вынужден был подчиниться. Почти сразу его стали одолевать муки совести от осознания того, что он стал игрушкой в руках диктатора, чей “крымский проект” неминуемо, как будто бы мнится артисту, должен столкнуть еврейство в пучину новой катастрофы, а весь мир ввергнуть в кровавое безумие Третьей мировой войны. Обуреваемый этими тревожными предчувствиями и к тому же будучи в душе приверженцем сионизма, Михоэлс решает раскрыть глаза американцам на коварные замыслы Сталина. Осуществить это он планирует в конце января 1948 г., когда в Москву вот-вот должна была прибыть делегация во главе с А. Гарриманом, которому одураченными советским лидером президентом Г. Трумэном и госсекретарём Д. Маршаллом поручено было оформить вроде бы уже окончательно достигнутое к тому времени межгосударственное соглашение по Крыму. Узнав о “предательском” намерении “неблагодарного” Михоэлса, Сталин приказывает его ликвидировать. Однако эта тайная расправа перечеркивает зловещие планы диктатора: озадаченный неожиданной и загадочной гибелью

еврейского артиста президент Трумэн требует от Сталина дополнительной гарантии выполнения будущего «крымского договора» — полной демилитаризации полуострова, в том числе ликвидации баз Черноморского военного флота, грозя в противном случае отказаться от уже принятого решения включить СССР в «план Маршалла». Поняв, что его «крымская карта» бита и ему не удастся «кинуть» американцев на несколько миллиардов долларов, взбешённый Сталин решает отыграться на своих еврейских подданных, приказав тогда же Абакумову бросить членов ЕАК за решётку (на самом деле эти аресты прошли лишь год спустя, в конце 1948 — начале 1949 г.) и приступить к подготовке судилища над ними.

Такова фабула разухабистого романа Левашова, которого формально вроде бы нельзя обвинить в фальсификации истории. Ведь избранный им литературный жанр дает право на так называемый художественный вымысел. Однако неписанные правила хорошего литературного вкуса требуют от мастеров художественного слова бережного отношения к реальной исторической канве описываемых событий, допуская «буйство» творческой фантазии, скажем, только при создании образов вымышленных героев. Что же касается реальных людей и тем более хорошо известных исторических личностей, то их изображение в книгах должно быть предельно правдивым даже в художественных произведениях. Тем более что приобщение к истории очень часто происходит посредством чтения романов. Вот почему так важно, чтобы повествование в них по крайней мере вписывалось бы в рамки реального прошлого, а не переворачивало бы его с ног на голову, что, к сожалению, демонстрирует книга Левашова, в которой претензия на документальность обернулась её имитацией, причём вульгарной.

### Обращаясь к фактам

А как же в действительности возникла, развивалась и потом так трагически завершилась «крымская история»? Чтобы разобраться в этом, обратимся сначала к стенограмме судебного процесса 1952 г. по «делу ЕАК», который продолжался более двух месяцев и довольно детально расследовал существо инкриминированных подсудимым эпизодов, в том числе и обстоятельств, связанных с «крымским письмом». Однако сначала — одно важное предварительное замечание: нет оснований сомневаться в том, что существенная часть включенных в стенограмму показаний «еаковцев» содержит в основном достоверные сведения. Полагать так позволяет то, что в начале судебного заседания всем подсудимым дали возможность отказаться от лжи самооговоров, к которым их пытками и психологическим давлением принудили до того следователи на Лубянке. Кроме того, хотя процесс проходил без участия адвокатов (как, впрочем, и без прокурора), подсудимые могли защищаться самостоятельно, и некоторые из них — в первую очередь С. А. Лозовский, Л. С. Штерн и Б. А. Шимелиович — использовали эту возможность блестяще, до последней минуты надеясь, что им удастся доказать свою невиновность и выжить. С отчаянием обречённых они боролись до конца, при этом, стремясь убедить суд в собственной невиновности, порой несправедливо оговаривали друг друга и прибегали к неизбежной в таких случаях лжи ради спасения. Скажем, отряцая на суде показания, полученные от них на предварительном следствии, «еаковцы», с одной стороны, разоблачали различного рода фальсификации — результат грубых манипуляций, в том числе и жестоких пыток — и тем самым содействовали торжеству правды, однако, с другой стороны, «корректировали» в свою пользу или вообще «дезавуировали» сообщенные ими ранее реальные факты, поскольку те могли быть использованы против них. Учёт этих обстоятельств — важное и необходимое условие для достижения научной объективности в реконструкции «крымской истории».

Началась эта «история» ещё в первые месяцы войны, трагические события которой требовали национальной консолидации советского еврейства, что, в свою очередь, рождало в головах его лидеров различные этнопроекты. И. С. Ватенберг — один из фигурантов «дела ЕАК» — показал в 1952 г. на процессе: «Когда мы вместе с Эпштейном (ответственный секретарь вскоре созданного ЕАК. — Г. К.) эвакуировались из Москвы (то есть осенью 1941 г. — Г. К.) и ехали с ним в одном вагоне, то он затронул вопрос о Республике

Немцев Поволжья. Я ему ответил, что есть Еврейская автономная область, и насколько есть возможность переселяться, то пусть желающие переселяются". А вот что припомнил тогда Фефер: "Примерно с 1942 года у нас в ЕАК начались разговоры о том, что все еврейские учреждения ликвидированы, даже в еврейских районах, всё, что было создано за 30 лет. Тогда и возник вопрос о Крыме"<sup>13</sup>. Тогда же, в 1942-м, руководители вновь созданного ЕАК стали налаживать отношения с еврейскими организациями, функционировавшими в странах-союзницах и прежде всего в США, где, собственно, и концентрировалась международная еврейская общественно-политическая активность. Так что, когда через год решено было отправить делегацию ЕАК с зарубежной пропагандистской миссией, посещение этой ведущей западной державы стало главным пунктом подготовительных мероприятий. Напутствуя отъезжавших в США Михозлса и Фефера, советское руководство в лице Щербакова и Лозовского потребовало от них сосредоточиться на реализации двух основных задач: пропагандистской (настроить влиятельный американско-еврейский истеблишмент в просоветском духе) и экономической (получить от состоятельных евреев как можно больше денег в "фонд обороны СССР")<sup>14</sup>. Никаких других заданий ни Михозлс, ни Фефер не получали. А значит, ни о каком "еврейском Крыме" власти тогда не помышляли, причем хотя бы уже потому, что освобождение полуострова от оккупантов представлялось тогда весьма отдалённой перспективой. Факты свидетельствуют, что превращение "крымского проекта" из смутной неясной идеи, спонтанно возникшей в головах руководителей ЕАК, в определённую чётко обозначенную цель со всей очевидностью произошло в Америке, в ходе триумфальной поездки по ней посланцев советского еврейства.

Конкретно этому способствовали встречи Михозлса и Фефера в США с Джеймсом Н. Розенбергом (J. N. Rosenberg), председателем консультативного совета Еврейского комитета Совета военной помощи России ("The Council for Russian War Relief") и одним из руководителей "Джойнта" ("Joint" – "The American Jewish Joint Distribution Committee"), американской благотворительной организации, ещё в феврале 1942 г. предложившей СССР гуманитарную помощь для находившихся на его территории польских евреев<sup>15</sup>. Ещё в 1926 г. Розенберг побывал по делам "Агро-Джойнта" (дочерняя компания "Джойнта") в Советской России, проявив себя горячим сторонником проводившейся при поддержке советского правительства еврейской сельскохозяйственной колонизации Крыма, который до появления на национально-политическом горизонте Биробиджана официально рассматривался как наиболее вероятное место организации еврейской автономии. Будучи довольно состоятельным руководителем адвокатской фирмы и бизнесменом, Розенберг, в отличие от основного руководства "Джойнта" – национально-консервативного, "заскорузло" ориентированного исключительно на сферу еврейской благотворительности, – был социально подвижным (до авантюризма) деятелем, пользовавшимся влиянием в американском истеблишменте, в том числе и политическом. Его знакомство с Михозлсом и Фефером произошло (по показаниям последнего на Лубянке) в Нью-Йорке в конце июня 1943 года. Правда, на процессе Фефер уточнил, что случилось это 8 июля на нью-йоркском стадионе "Поло-Граундс" сразу по завершении проходившего в честь посланцев Москвы массового митинга солидарности. "Спустя пару дней", как показал потом на следствии Фефер, Розенберг устроил на своей пригородной вилле в честь него и Михозлса обед, на котором помимо них "никого не было"<sup>16</sup>. Раскрывая содержание этой встречи, Фефер пояснил на допросе, что советская сторона, памятуя полученное в Москве задание, повела разговор о немедленном вспомоществовании бедствовавшим евреям и другому нуждавшемуся населению в воюющем СССР. Ответствуя, Розенберг изъяснялся довольно раскованно (беседа носила неофициальный характер) и особенно не церемонился со своими советскими гостями. Он резко заметил им: "Вы только просите, а толку от вас никакого! Вспомните, в связи с созданием еврейских колоний в Крыму мы ухлопали свыше 30 миллионов долларов, а что толку? Крым не ваш, вас оттуда выгнали. . ." Потом взяв паузу, призванную, очевидно, усилить эффект от его филиппики, Розенберг, смягчившись, продолжил: ". . . Если бы советское правительство допустило заселение Крыма евреями, мы ("Джойнт". – Г. К.) оказали бы вам материальную помощь". Завершил свой монолог Розенберг уже совсем на идиллической ноте: "Роскошное место Крым: Чёрное море, Турция, Бал-

каны...” Припомнив на суде эту последнюю неясную и в чём-то двусмысленную фразу, Фефер поспешил пояснить: Розенберг имел в виду то, что Крым — это “видное место для будущей еврейской республики”, и прямого разговора о превращении Крыма в военный плацдарм против СССР (вопреки версии следствия! — Г. К.) не было<sup>17</sup>.

В том, что эти показания Фефера соответствовали действительности, можно убедиться, сопоставив их со строками из документа “Джойнта”, датированного сентябрем 1944 года. Тогда Розенберг требовал от руководства этой организации, чтобы запросили г-на Киселева, советского Генерального консула в Нью-Йорке, “о намерениях СССР, в надежде, что “Джойнт” сможет принимать участие в восстановлении там (в Крыму. — Г. К.) еврейских сельскохозяйственных поселений. Позиция комитета (“Джойнта”. — Г. К.) заключается в том, что сейчас преждевременно обращаться с запросами к советскому правительству с любыми планами поселения евреев в Крыму. Более того, с тех пор как “Джойнт” и другие организации затратили приблизительно 30 миллионов долларов на программу аграрных поселений евреев в Крыму и на Украине, есть опасность, что подобная дискуссия могла бы показать советскому правительству, что столь огромная сумма вновь доступна. В 1938 г. “Джойнт”... был вынужден покинуть Россию по требованию советских властей...”<sup>18</sup>

Спустя два месяца состоялась вторая встреча с представителями “Джойнта”, она также носила неофициальный (“unqualified”) характер и прошла 13 сентября 1943 г. в виде строго секретного (?!) ланча (“an absolutely confidential luncheon”). Помимо Розенберга от “Джойнта” присутствовал его председатель Пол Боерволд (Bauerwald). Когда слово предоставили Михоэлсу, тот, обуреваемый эмоциями, заявил, что поражён неосведомлённостью американских еврейских организаций в масштабах войны на Восточном фронте, и конкретно в том, что Красная Армия, разгромив нацистов в Сталинграде и тем самым предотвратив дальнейший захват территории СССР, спасла два миллиона советских евреев из четырёх. Далее он отметил, что Москва принципиально выступает за неэтнический характер помощи “Джойнта”, поскольку направление посылок только одним евреям противоречило бы советскому принципу национального равенства. Озвучивая такую распределительную парадигму, Михоэлс к тому же не мог не помнить, что в начале 1920-х “Джойнт” осуществлял свою благотворительную деятельность в Советской России по аналогичной схеме (“non-sectarian basis”). Поддержавший Михоэлса Фефер уточнил, что в интересах СССР было бы направление секулярной помощи в районах компактного проживания эвакуированного еврейского населения в Узбекистане и Поволжье. Американцы, со своей стороны, напротив, настаивали на своем традиционном формате благотворительности: национально селективное распределение помощи через еврейские религиозные и общественные организации. Именно тогда, обсуждая географию гуманитарных поставок, Розенберг вновь заговорил о Крыме, обозначив его не только в качестве приоритетного получателя, но и наиболее подходящего места для будущего переселения уцелевших евреев<sup>19</sup>.

Третья встреча — 21 сентября 1943 г. — носила уже официальный характер. От предыдущей она ещё отличалась тем, что с американской стороны в ней участвовал исполнительный вице-председатель “Джойнта” Джозеф Хайман, что свидетельствовало о том, что переговорная дискуссия переросла в выработку конкретных решений. Заключительный четвёртый раунд прошёл 27 сентября, и если американская делегация численно уже не расширялась, то советская пополнилась ещё двумя членами — генконсулом Е. Д. Киселёвым и представителем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР В. Лебеденко. Показательно, что когда американцы на этой итоговой встрече попытались развить идею “крымского проекта”, Киселёв сразу пресёк эту интенцию, сухо заметив, что такое обсуждение преждевременно, поскольку полуостров оккупирован<sup>20</sup>. Подобная реакция — ещё одно доказательство непричастности советских властей к инициации данного проекта.

“Джойнт”, видимо, так сильно желал восстановить своё, пусть даже виртуальное, присутствие в СССР, что, поступившись собственным принципиальным правилом национально-персонального адресования помощи, в конце концов вынужден был согласиться не брать в расчёт этничность получателей, правда, настоял на её распределении в регионах наибольшего сосредото-

ния евреев – прежде всего беженцев, эвакуированных и спасшихся после Холокоста. 12 октября административный совет комитета одобрил выделение Советскому Союзу помощи в виде продуктов, одежды и других товаров на общую сумму в 500 тыс. долларов (с начальным траншем в 250 тыс. долларов). Раздачу её предполагалось осуществить в районах Поволжья, Казахстана и Узбекистана<sup>21</sup>.

На такой существенный компромисс руководство “Джойнта” наверняка пошло, уступая давлению Розенберга и его влиятельных сторонников, в том числе председателя Еврейского комитета Совета военной помощи России (“The Council for Russian War Relief”) Луиса Левина. Между тем некоторые американские исследователи склонны преуменьшать роль Розенберга в “Джойнте”, изображая его эдаким идеалистом, “прокрымским” энтузиастом, диссидентствующим одиночкой со своим “особым подходом”, действовавшим приватно, на свой страх и риск, без официальной санкции. При этом настаивается на полной непричастности “Джойнта” как такового к “крымской истории”<sup>22</sup>. Во многом такая интерпретация продиктована желанием по максимуму устранить негативную тень, брошенную в 1953 г. на репутацию этой организации обвинением в шпионаже, прозвучавшим из Москвы. Мотивация эта хоть и оправданна (из-за абсурдности указанного обвинения), но всё же и банальна (как и всякая борьба за чистоту риз “своих”), при том, что сформулированные в итоге выводы представляются чрезмерно прямолинейными и не учитывающими множества нюансов, часть из которых, напротив, свидетельствует о вовлечённости “Джойнта” в ту “историю”. Ведь не один же Розенберг был таким малосведущим и наивным в восприятии сталинского режима (надеясь на его послевоенную гуманизацию), что верил в полноценное сотрудничество с ним? Факты доказывают, что соответствующее прекраснодушие было характерно и для “Джойнта” в целом. И пусть в сентябре 1944 г. его руководство сочло, как отмечалось, “преждевременным” предложение Розенберга призвать Советы к восстановлению еврейских поселений в Крыму, уже в 1945 г. оно однозначно солидаризируется с ним в этом вопросе. Это многократно подтверждается архивными записями, согласно которым, в частности, “Джойнт” тогда настаивал на возобновлении деятельности в Крыму (“The JDC offered to renew rehabilitation activities in the Crimea”; “the JDC offered to renew settlement aid in Crimea”) и даже предлагал и. о. генконсула СССР в Нью-Йорке П. Михайлову образовать фонд для восстановления в Крыму еврейского сельского хозяйства<sup>23</sup>. Как и следовало ожидать, в СССР ухватились за это заманчивое предложение, тем более что в июле 1945 г. “Джойнт” выделил под “советскую программу” 1 млн долларов. И только когда в ноябре 1945 г. советская сторона не смогла представить доказательств возвращения евреев в Крым, и окончательно стало ясно, что Кремль не допустит там никакой еврейской автономии, “Джойнт” прозрел, перенаправив выделенную было этому региону помощь на Украину и в Белоруссию. Только в 1946 году американо-еврейские благотворители поставили в СССР гуманитарной продукции (главным образом пенициллина) на сумму 1,5 млн долларов. Однако на “крымском проекте” был поставлен крест. А с наступлением вскоре политического похолодания в мире и нарастанием в связи с этим советско-американских трений “Джойнт” в 1947 г. вообще свернул там свою деятельность<sup>24</sup>.

Однако двухлетнее пребывание американцев в плену крымского миража вряд ли можно объяснить только тем, что руководство “Джойнта”, проявив чрезмерную “советофилию”, стало, как отмечал Г. Я. Аронсон, “жертвой иллюзии”<sup>25</sup>. Или тем, как предположил на судебном процессе по “делу ЕАК” Ватенберг (ранее жил в США и хорошо знал Розенберга), что Крым занимал этого амбициозного деятеля только потому, что в своё время “Джойнт” “туда вложил много денег”, и тот чувствовал, что потерял лицо в этом деле<sup>26</sup>. При том, что некомпетентность и претенциозность действительно имели место, в основе разбираемого заблуждения лежала, как представляется, политическая причина, коренившаяся в тогдашнем остром расколе в американской еврейской общине и наличии в ней влиятельной антиссионистской “фракции”, в которую входил “Джойнт” и тот же Розенберг, ориентировавшиеся в решении еврейского вопроса не на Ближний Восток, а на Европу. Вот главное, что увлекло их Крымом. И такое предпочтение не покажется необычным, а напротив, закономерным, если иметь в виду то, что Государственный департамент США, через который, между прочим, “проходили” проекты догово-

ров “Джойнта” с советской стороной, после войны всячески противостоял (в лице Дж. К. Маршалла, Дж. Ф. Кеннана, Р. Ловетта и др.) усилиям президента Г. Трумэна, направленным на создание государства Израиль.

Так что вполне реальной представляется политическая составляющая “крымского проекта”, обозначенная Розенбергом в 1943 г. в беседах с Михозэлсом и Фефером и потом изложенная последним на следствии. В частности, он припомнил, как Розенберг в одной из первых бесед с ними подчеркнул, что “Крым нас интересует, с одной стороны, как евреев, с другой — как американцев”; и что в случае создания еврейской республики на полуострове её руководство может рассчитывать “не только на материальную помощь Америки”, но, “в случае необходимости, на советское правительство может быть сделан американцами дипломатический нажим”<sup>27</sup>. И хотя на этих показаниях несомненно лежит политически усугубляющая их печать редакции МГБ, тем не менее, делая поправку на возможную аберрацию, всё же можно с большой долей уверенности предположить, что Розенберг и те, кто за ним стоял, связывали с “крымским проектом” не только благотворительные, но и далеко идущие политические планы.

Столкнувшись со всем этим, Михозэлс и Фефер, вследствие своей вопиющей (по-другому не скажешь) политической неопытности, проявили наивную беспечность и неосмотрительность. Впав в эйфорию от восторженного приёма в Америке, они явно политически заигрались. Чтобы помочь Розенбергу “пробить” через руководящие структуры “Джойнта” “крымский проект”, они, поддаваясь авантюрному соблазну, сообщали ему заведомо мифические сведения о том, что на полуострове выжили “только” 35000 евреев. Об этом признался на следствии сам Фефер, что частично проясняет происхождение этой невероятной цифры, которая перекочевала благодаря Розенбергу и в официальные бумаги “Джойнта”<sup>28</sup>. Такую же политическую наивность лидеры ЕАК продемонстрировали и тогда, когда, возвратившись в СССР, стали распределять министерские портфели в “миражной” еврейской республике<sup>29</sup>. Однако, по большому счёту, эта в общем-то мало кому известная советская общественная организация оказалась заложницей политических отношений между СССР и США и в случае их обострения была обречена, что потом и произошло.

Другим немаловажным моментом, спровоцировавшим трагическое развитие “крымской истории”, был присущий руководителям ЕАК “идеалистический национализм”, выразившийся в, по сути, выстраданном ими императиве во что бы то ни стало спасти свой народ, стоявший на грани физического уничтожения. Сделать это они намеревались путём обретения национальной территории в европейской части Советского Союза, то есть в рамках действительного, как они полагали, решения еврейского вопроса в СССР. Тем самым логически подразумевалась фиктивность и несостоятельность биробиджанского проекта, а значит, и невольно бросался вызов его автору Сталину, который во многом поэтому сразу решительно отверг претензию ЕАК на Крым.

Впрочем, не будучи в своем альтернативном решении еврейского вопроса “зацикленными” на какой-либо конкретной территории, Михозэлс и его единомышленники первоначально помимо Крыма обсуждали возможность создания еврейской автономии и на других территориях, в том числе, как отмечалось, на землях бывшей Республики Немцев Поволжья. Главным для них было не место как таковое, а его пригодность для приложения двигавшей ими энергии.

Крым “перевесил” в этом выборе только потому, что этот вариант обещал от имени “американских еврейских кругов” поддержать Розенберг, который к тому же распался “идеалистический национализм” своих московских гостей, поучая их: “Вы себя не ведёте так, как должны... настоящие евреи. Советские евреи слишком много просят и слишком мало требуют. За народ, если мы народ, надо бороться...”<sup>30</sup> Однако такие призывы были по меньшей мере излишни. В памяти вдовы Михозэлса А. П. Потоцкой запечатлелась произне-

---

\* Блеф о 35000 находившихся в Крыму евреев какое-то время поддерживался и некоторыми советскими чиновниками и дипломатами среднего уровня (генконсулом в Нью-Йорке П. Михайловым и др.), стремившимися использовать заграничные средства в восстановлении разрушенной войной советской экономики. Однако в ноябре 1945 г., когда советская сторона не смогла представить соответствующего документального доказательства, этот обман раскрылся, и “Джойнт” потерял интерес к Крыму (Мицель М. Указ. соч. С. 131, 132).

сённая им однажды знаменательная фраза: “Мне кажется, я в ответе за весь мой народ”<sup>31</sup>.

Оторвавшись почти на полгода от родной почвы и пребывая в эйфории от заокеанских впечатлений, Михоэлс и Фефер, грезя, что называется, наяву, явно переоценили значение для Сталина американской поддержки. Вышло как раз наоборот: эта поддержка того насторожила и решительно настроила против проекта. Однако в силу той же политической наивности те об этом даже не подозревали. Явившись сразу по возвращении в Москву (в конце ноября 1943 г.) к Лозовскому, они первым делом объявили ему: “Розенберг обещал материальную помощь “Джойнта” в случае заселения Крыма евреями”<sup>32</sup>. Убедив (что удивительно!) этого покровительствовавшего им профессионального опытного политика в том, что американская поддержка – сильный козырь, они уговорили его, используя свой статус заместителя Молотова по НКВДу, организовать встречу с ним.

Вскоре в Кремль на приём к ближайшему соратнику Сталина явились трое: вместе с Михоэлсом и Фефером пришёл и ответственный секретарь ЕАК Шахно Эпштейн, вершивший в контакте с НКГБ всеми внутренними делами в комитете. Поскольку Эпштейн, как отмечалось, выступал за создание еврейской республики на месте ликвидированной автономии немцев Поволжья, то наряду с Крымом был предложен и этот альтернативный проект. Однако Молотов сразу же отверг его, мотивировав тем, что население бывшей немецкой республики в основном занималось сельским хозяйством, а “евреи народ городской и нельзя сажать евреев за трактор”. В отношении же Крыма он заметил: “Пишите письмо, и мы его посмотрим”<sup>33</sup>.

И хотя смысл этих осторожных слов был довольно неопределённым, руководители ЕАК решились, как потом показал на суде Лозовский, что “. . . Молотов “обещал”, значит, вопрос почти решён, а если ещё не решён, то во всяком случае “на мази”<sup>34</sup>. Тем не менее письмо, направленное 15 февраля 1944 г. Сталину по поводу “Еврейской советской социалистической республики” в Крыму, было по совету осторожного Лозовского подписано Михоэлсом, Фефером и Эпштейном не от имени ЕАК, а как частное предложение группы граждан. Впрочем, в одобрении верхами их инициативы они не сомневались.

Однако проходили дни, а ответа из Кремля не было. И тогда несколько обеспокоенные авторы письма, решив подстраховаться, послали 21 февраля его дубликат уже непосредственно Молотову. Причем, чтобы знать наверняка, что послание попадёт к адресату, Михоэлс передал его через П. С. Жемчужину, жену Молотова, которая не только имела большое влияние на мужа, но и выказывала личную заинтересованность в успехе проекта, сказав тогда еврейскому артисту многозначительно: “Можно жить где угодно, но надо иметь свой дом и крышу”<sup>35</sup>.

Однако к тому времени, когда до Молотова дошло направленное ему “крымское письмо”, поднятый в нём вопрос был, вероятно, уже решен Сталиным, причем отрицательно. В пользу такого предположения говорит хотя бы то, что, знакомясь с наиболее значимыми и важными документами, Сталин, если был заинтересован в принятии решений по ним, у себя их не задерживал, а, зафиксировав в резолюции собственное решающее мнение, направлял “по принадлежности” в то или иное ведомство (ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркомат обороны и т. д.), долженствовавшее подготовить проект соответствующего постановления Политбюро, Оргбюро ЦК, СНК СССР.

В случае с “крымским письмом” ничего подобного не произошло. Ознакомившись с ним, Сталин, видимо, посчитал его слишком необычным, а может быть, даже и вздорным, чтобы быть рассмотренным по привычной схеме. 19 февраля он почти три часа совещался с Молотовым, Маленковым, А. И. Микояном и А. С. Щербаковым<sup>36</sup> и, возможно, высказался уже тогда против “крымской инициативы” руководителей ЕАК. Не исключено, что Молотов, вновь встретившись со Сталиным в Кремле 22 февраля в том же “формате” (вместе с Маленковым, Микояном и Щербаковым), ещё раз попытался как-то заинтересовать его посланием Михоэлса<sup>37</sup>. Но, поняв, что “хозяина” не переубедить, вынужден был отступить. После этого ему, первому заместителю Сталина по СНК СССР, не оставалось ничего другого, как 24 февраля формально “расписать” “крымское письмо” “на исполнение” Маленкову, Микояну, Н. А. Вознесенскому и Щербакову. И в итоге – закономерный финал: 28 февраля последний “списал” эту ставшую “неудобной” бумагу в архив<sup>38</sup>.

Для прагматика Сталина, обременённого куда более важными для воюющей страны делами и давно уже на весь мир объявившего о решении еврейского вопроса в СССР, утопическое предложение ЕАК было неприемлемо в принципе. Открыто не высказываясь по поводу послевоенного урегулирования международной еврейской проблемы, он, тем не менее, уже тогда, скорей всего, склонялся к поддержке сионистского плана в Палестине. Есть данные, что прибывший в декабре 1943 г. в советскую столицу президент эмигрантского Госсовета Чехословакии Э. Бенеш по просьбе Н. Гольдмана и других сионистских лидеров агитировал Сталина за этот проект. Высокопоставленный советский дипломат К. А. Уманский, который наряду с М. М. Литвиновым и И. М. Майским довольно часто встречался в те годы с Х. Вейцманом и другими сионистскими руководителями, в августе 1944 г. полагал, что Сталин «склоняется в пользу создания еврейского государства в Палестине», что, впрочем, диктовалось отнюдь не симпатией советского вождя к сионистам, а его тактический расчет с их помощью подорвать стратегические позиции Великобритании на Ближнем Востоке. Известно, что в марте 1945 г. Ф. Рузвельт, очевидно имея в виду и мнение Сталина, заверил основателя Всемирного еврейского конгресса С. Уайза: «Большая тройка» (на Ялтинской конференции. — Г. К.) согласилась передать евреям Палестину. В ближайшем будущем иммиграция туда евреев должна продолжиться»<sup>39</sup>.

Тем не менее, несмотря на настораживавшие приводящие политические моменты, «странная» инициатива ЕАК не была первоначально расценена Сталиным как нечто опасное и тем более преступное. Подобные «проекты» тогда не были в диковинку и воспринимались властями равнодушно, во всяком случае они не имели той «заговорщицкой» коннотации, которая возникла в годы холодной войны. Скажем, в августе 1944 г. обком партии Северной ОсетиИ проинформировал ЦК ВКП(б), что в этой автономии «широко» ведутся разговоры о сборе подписей под письмом Сталину о переселении в Крым осетин, «хорошо показавших себя в Отечественной войне...»<sup>40</sup>. А в марте 1945 г. из Италии на имя Молотова поступило направленное главам дипведомств союзных держав послание некоего «Римского еврейского комитета», ратовавшего за еврейское государство на территории поверженной Германии. Или ещё: весной 1946 г. предлагалось создать еврейскую автономию на обезлюдившей территории бывшей Восточной Пруссии, присоединив её к Литовской ССР. Впрочем, в сравнении с этими причудливыми плодами общественной инициативы ещё более фантастическими выглядели, как это ни парадоксально, проекты, вызревавшие в головах политиков-профессионалов. Вот что писал, скажем, 11 февраля 1950 г. Сталину бывший заместитель представителя Украины в Совете безопасности ООН В. А. Тарасенко: «Во время обсуждения Палестинского вопроса осенью 1948 года (во время войны Израиля со странами Арабской лиги. — Г. К.) у тов. Мануильского (представитель Украины в Совбезе ООН. — Г. К.) возникла идея внести в ЦК ВКП(б) предложение, чтобы Советский Союз предоставил возможность палестинским арабским беженцам (свыше 500 тыс. чел.) поселиться в Советском Союзе в районе Средней Азии, с тем чтобы впоследствии образовать Арабскую Союзную республику или автономную область»<sup>41</sup>.

Даже если руководителям ЕАК официально не объявили об отклонении правительством их проекта, те вскоре так или иначе должны были об этом узнать. Однако они были так зачарованы собственными мечтами, что по инерции, как ни в чём не бывало, продолжали активно обсуждать перспективы своего в общем-то уже безнадежного предприятия, что, конечно, не укрылось от Сталина. Окончательно «закрывать» становившийся скандальным вопрос он поручил Л. М. Кагановичу. Впоследствии на суде Фефер рассказал: «В середине 1944 года его, Михоэлса и Эпштейна «срочно» вызвал к себе Каганович, который «часа два или больше... разбивал нашу докладную записку о Крыме исключительно по практическим соображениям... Он говорил... что евреи в Крым не поедут... что только артисты и поэты могли выдумать такой проект»<sup>42</sup>.

Однако даже после столь явного предостережения руководители ЕАК, хотя и, несколько затаившись, прекратили открыто обсуждать «крымский проект», полностью так и не отказались от своей опасной затеи. 19 ноября 1946 г. М. А. Суллов проинформировал Сталина и других членов Политбюро, что, судя по выступлению Фефера на заседании президиума ЕАК от 23 октября 1945 г., «ЕАК намерен ставить перед правительством СССР даже вопросы тер-

ритории (видимо, новой территории, кроме Биробиджана) для еврейского населения”. Известно также, что когда в мае 1946 г. польско-еврейский поэт А. Суцкевер перед репатриацией зашёл в ЕАК, чтобы проститься, там попросили его приобщить И. Г. Эренбурга к “крымскому проекту”. Примерно тогда же Михоэлс посоветовал приехавшему из США журналисту Бенциону Гольдбергу продлить пребывание в СССР, поскольку ожидал “важных сообщений” (?! – Г. К.) из Кремля<sup>43</sup>.

Тлеющий фитилек “крымского проекта” погас в 1947 г., когда “Джойнт” решил полностью отказаться от своих проектов в СССР, и руководители ЕАК утратили последнюю надежду. Именно в конце того года, ознаменовавшегося ужесточением “холодного” противостояния в мире и усилением – как в СССР, так и в США – кампаний травли политических ведьм, у специалистов МГБ по борьбе с американской и сионистской агентурой созрело, видимо, намерение раздуть старый “грешок” потенциальных “буржуазных националистов” в крупное политическое “дело”. Окончательно этот план вызрел уже, как отмечалось, после убийства Михоэлса, когда на Лубянку поступил соответствующий “заказ” от Сталина. Только с этого момента правомерно квалифицировать “крымскую историю” как провокацию властей. Именно тогда Крым, по образному выражению Лозовского на суде, стал обрастать “такой шерстью, которая превратила его в чудовище”<sup>44</sup>.

Тот же Лозовский, несомненно понимавший, что признание на процессе “крымской истории” международной шпионской интригой, направленной против государственной безопасности СССР, влечёт за собой смертный приговор подсудимым, умело и бесстрашно защищался, заклеив это обвинение словами Н. Г. Помяловского – “фикция в мозговой субстанции”. Однако все, что он говорил, было гласом вопиющего в пустыне, в том числе и следующие его предсмертные слова: “Ни одна из 12 тыс. газет и журналов не ставили тогда этого вопроса (о Крыме. – Г. К.), ни один государственный деятель США не думал на эту тему. . . Кто-то якобы сообщил, что американское правительство вмешалось в это дело (“крымское”. – Г. К.). Это значит – Рузвельт. Я должен сказать, что осенью 1943 года Рузвельт встретился со Сталиным в Тегеране. Смею уверить вас, что. . . там о Крыме ничего не говорилось. В 1945 г. Рузвельт прилетел в Крым. . . Он не прилетел ни к Феферу, ни к Михоэлсу, и не по делу заселения евреями Крыма, а по более серьёзным делам”<sup>45</sup>.

И в самом деле, будучи сразу же отвергнутым Сталиным, этот проект оказался мертворождённым и не фигурировал в материалах Тегеранской, Ялтинской, а также Потсдамской конференций союзников, как, впрочем, и во всех других дипломатических документах военного и послевоенного времени. Он даже никогда не обсуждался на межгосударственном уровне. Документально не подтверждаются и соответствующие переговоры Сталина с А. Гарриманом, с американскими сенаторами и тому подобные интригующие “факты”, которые уже в наше время были преподнесены уже упомянутыми авторами как историческая сенсация.

Получается парадокс: несмотря на то, что уже преданы гласности все более-менее значимые преступные тайны сталинского режима, и вроде бы в полной мере должна восторжествовать историческая правда, мифы о прошлом продолжают жить, деформируя историческое сознание общества. Это подтверждается следующим характерным случаем.

30 июня 2008 г., в программе А. В. Караулова “Момент истины” (российский телеканал ТВЦ) прошла передача “Крым – разменная монета; несостоявшийся Израиль”. Принявший в ней участие М. Н. Полторанин (министр печати и информации РФ в 1990–1992 гг.) со ссылкой на некие секретные архивы КГБ поведал о том, что, оказывается, в 1943 г. правительство США потребовало от СССР за невозврат ранее полученных от “Джойнта” кредитов передать в течение десяти лет советским евреям Крым, а также прибрежные земли Херсонской, Одесской областей и Краснодарского края, создав там самостоятельное государство во главе с Михоэлсом. В противном случае американцы грозили заморозить поставки по ленд-лизу и сорвать открытие “второго фронта”. А спустя два года президент Г. Трумэн уже якобы стал настаивать на демилитаризации указанных территорий, в том числе и на передислокации из Севастополя базы советского Черноморского флота. Поддавшись на столь явный шантаж, Сталин, согласно данной версии, вынужден был депортировать татар из Крыма, “очистив” его для евреев. Правда, потом, как “выясняется”, он, же-

лая поставить во главе будущего еврейского государства лично преданного ему Л. М. Кагановича, приказал тайно устранить Михоэлса, считая того креатурой американцев. Фантазируя дальше, Полторанин даже осуществлённую после смерти Сталина передачу Крыма из РСФСР в состав Украины истолковал как уловку Хрущева, который, прикрывшись формальной независимостью УССР (государства – члена ООН), окончательно похоронил международный проект “еврейского Крыма”.

Оценивая эту “историческую сенсацию”, известный журналист О. М. Попцов квалифицировал ее как “фантазмагорию”. Справедливость такого суждения особенно очевидна в отношении наиболее завирального эпизода сомнительного откровения бывшего российского министра: будто бы Сталин в ответ на некие митинги претендовавших на Крым евреев решил их депортировать (так называемая операция “Белая куропатка”) на заполярный архипелаг Новая Земля, куда якобы успел отправить 17 пароходов с колючей проволокой и прочим для возведения концлагерей<sup>46</sup>. Однако это уже другая история.

\* \* \*

Итак, вполне очевидно главное: первоначально идея “еврейского Крыма” исходила не от Сталина или органов безопасности, своим рождением она была обязана руководству ЕАК, которому, в свою очередь, была предложена отдельными руководителями “Джойнта”. Причем возникла она на волне стихийной демократизации, которую сталинский режим был вынужден в интересах самосохранения допустить во время войны в определенных рамках. Другая предпосылка коренилась в реакции руководителей ЕАК на Холокост, выразившейся в почти инстинктивном желании во что бы то ни стало сохранить где-нибудь – первоначально даже не в Крыму, а на территории ликвидированной в 1941 г. Республики Немцев Поволжья – остатки выжившего еврейства, причём не только советского, но и оказавшихся на территории СССР соплеменников из Польши и Румынии. Свою побудительную роль сыграл и всплеск национального чувства, разбуженного войной и усилившимся антисемитизмом, а также самоочевидность провала с решением “еврейского вопроса” в виде создания ЕАО. С самого начала “крымский проект” как политически вредный был отвергнут Сталиным, тем не менее руководство ЕАК даже в послевоенное время продолжало надеяться на его возрождение в той или иной форме. С конца 1947 – начала 1948 гг. он был намеренно раздут МГБ и провокационно использован для обоснования развёрнутых тогда Сталиным антиеврейских репрессивных акций. И хотя эта историческая канва “крымского дела” ныне всесторонне документально подтверждена и выверена, до сих пор массово распространяется немало претендующих на историческую сенсацию псевдоисторических работ (статей, книг, “документальных” фильмов) на эту тему, что безусловно деформирует историческое сознание общества. Посильное противодействие этой негативной тенденции, собственно, и было главной целью данной публикации. При этом автор отнюдь не пытался как-то обелить Сталина, принесшего в жертву собственной политике Михоэлса и его друзей, расстрелянных по делу Еврейского антифашистского комитета. Жестокая расправа с ними, совершенно невиновными в инкриминировавшихся им преступлениях, не имеет оправдания. Вместе с тем, стремясь к полной объективности, нельзя упускать из вида и того немаловажного обстоятельства, что “крымское дело” – во многом производное от пароксизма “холодной войны”. Именно она, задавая тон взаимоотношениям двух главных противоборствовавших сил – США и СССР, заставляла их постоянно стремиться к наращиванию своего военно-стратегического потенциала. В такой ситуации Крым как форпост для последующего развертывания боевых действий против Советского Союза был чрезвычайно привлекателен для американцев, как, впрочем, для русских в начале 1960-х гг. в том же качестве была привлекательна Куба. И нет сомнений, что подобные планы были бы непременно реализованы теми и другими, возникни для этого благоприятная возможность (в случае с Кубой имела место даже соответствующая реальная попытка со стороны Москвы). Показательно, что низвергнувший культ Сталина Хрущёв – отец “оттепели” демократизации – в августе 1956 года так квалифицировал проект создания еврейской автономии в Крыму: “Это был бы американский плацдарм на юге

нашей страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным. Нельзя идти на поводу у Даллесов, которые не прочь бы создать плацдарм против нас<sup>47</sup>.

Таким образом, Михоэлс и его товарищи по ЕАК пали жертвами не только паранойи Сталина, но и внешнеполитического ожесточения в тогдашнем мире, которое зачастую и порождало неадекватную реакцию у политиков, в том числе и американских. Достаточно вспомнить хотя бы самоубийство министра обороны США неврастеника-антисемита Д. Форрестола, выбросившегося из окна с криком “русские идут”, или вызвавшую широкий протест во всём мире казнь обвиненных в атомном шпионаже супругов Джулиуса и Этель Розенбергов. И выходит, что послевоенная атмосфера политического страха и подозрительности калечила и ломала судьбы людей не только в СССР, но и по другую сторону “железного занавеса”.

\* \* \*

### **ПИСЬМО В ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СОЗДАТЬ В КРЫМУ ЕВРЕЙСКУЮ РЕСПУБЛИКУ**

21 февраля 1944 г.

*Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров СССР  
тов. МОЛОТОВУ В. М.*<sup>48</sup>

*Дорогой Вячеслав Михайлович!*

*В ходе Отечественной войны возник ряд вопросов, связанных с жизнью и устройством еврейских масс Советского Союза. До войны в СССР было до 5 миллионов евреев, в том числе приблизительно полтора миллиона евреев из западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Буковины, а также из Польши. Во временно захваченных фашистами советских районах, надо полагать, истреблено не менее 1,5 млн евреев<sup>49</sup>.*

*За исключением сотен тысяч бойцов, самоотверженно сражающихся в рядах Красной Армии, всё остальное еврейское население СССР расплыено по среднеазиатским республикам, Сибири, на берегах Волги и в некоторых центральных областях РСФСР.*

*В первую очередь, естественно, ставится для эвакуированных еврейских масс, равно как и для всех эвакуированных, вопрос о возвращении на родные места. Однако в свете той трагедии, которую еврейский народ переживает в настоящей войне, это не разрешает во всём объёме проблемы устройства еврейского населения СССР.*

*Во-первых, в силу необычайных фашистских зверств, в особенности в отношении еврейского населения, поголовного его истребления во временно оккупированных советских районах, родные места для многих эвакуированных евреев потеряли своё материальное и психологическое значение. Речь идёт не только о разрушенных очагах — это касается всех возвращающихся на родные места. Для огромной части еврейского населения, члены семей которого не успели эвакуироваться, речь идёт о том, что родные места превращены фашистами в массовое кладбище этих семей, родных и близких, которых оживить невозможно. Для евреев же из Польши и Румынии, ставших советскими гражданами, вопрос о возвращении вообще не стоит. Оставшиеся же родственники их истреблены, и стерты с лица земли все следы еврейской культуры<sup>50</sup>.*

*Во-вторых, ввиду необычного роста среди братских народов национальных кадров, строящих свою культуру, значительная часть интеллигенции еврейской национальности, ранее работавшей в различных областях национальной культуры братских народов, находит всё меньшее применение своим силам, что приводит к дисквалификации большого круга этой интеллигенции.*

*Накопленную веками культурную энергию интеллигенция еврейской национальности могла бы с огромной пользой применить в строительстве еврейской советской культуры, которая имеет большие достижения. Но расплыенность еврейского населения, составляющего во всех республиках незначительное меньшинство, не даёт возможность это осуществить.*

*Фактически прекратилась политико-воспитательная и культурно-просве-*

тительная работа среди еврейских масс на родном языке. Имеющееся незначительное количество культурных еврейских учреждений (несколько театров, одно издательство и одна-единственная еженедельная газета) не в состоянии удовлетворить культурные нужды и потребности более чем 3-миллионного еврейского населения<sup>51</sup>.

Оставление огромной массы населения в распылённом виде, без политического и культурного воспитания на родном языке, создаёт свободное поле для происков чуждых и враждебных влияний.

В ходе войны обострились некоторые капиталистические пережитки в психике отдельных прослоек различных народностей, включая и часть их интеллигенции. Одним из наиболее ярких выражений этих пережитков являются новые вспышки антисемитизма. Эти вспышки всячески разжигаются фашистскими агентами и притаившимися вражескими элементами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти – дружбы народов.

Эти нездоровые явления воспринимаются крайне болезненно всеми слоями еврейского населения СССР, которые показали себя подлинными патриотами родины героизмом своих лучших сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны и в тылу. Проявление антисемитизма вызывает острую реакцию в душе каждого советского еврея без исключения ещё и потому, что весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских зверств в Европе около 4 млн человек, то есть около 1/4 своего состава. Советский Союз – единственная же страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы. С другой стороны, факты антисемитизма в сочетании с фашистскими зверствами способствуют росту националистических и шовинистических настроений среди некоторых слоев еврейского населения.

С целью нормализации экономического положения всех слоёв еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской советской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо советской родины, с целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов мы считаем своевременной и целесообразной в порядке решения послевоенных проблем постановку вопроса о создании **Еврейской Советской Социалистической Республики**<sup>52</sup>.

В своё время была создана Еврейская автономная область в Биробиджане с перспективой превращения её в Еврейскую Советскую Республику, чтобы таким образом разрешить государственно-правовую проблему и для еврейского народа. Необходимо признать, что опыт Биробиджана вследствие ряда причин, в первую очередь вследствие недостаточной мобилизованности всех возможностей, а также ввиду крайней его отдалённости от места нахождения основных еврейских трудовых масс, не дал должного эффекта. Но невзирая на все трудности, еврейская автономная область стала одной из самых передовых областей в Дальневосточном крае, что доказывает способность еврейских масс строить свою советскую государственность. Ещё более эта способность проявлена в развитии созданных еврейских национальных районов в Крыму.

В силу всего вышеизложенного мы бы считали целесообразным создание Еврейской Советской Республики в одной из областей, где это по политическим соображениям возможно. Нам кажется, что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности для переселения, так и вследствие успешного опыта развития там еврейских национальных районов.

Создание Еврейской Советской Республики раз и навсегда разрешило бы по-большевистски, в духе ленинско-сталинской национальной политики проблему государственно-правового положения еврейского народа и дальнейшего развития его вековой культуры. Эту проблему никто не в состоянии был разрешить на протяжении многих столетий, и она может быть разрешена только в нашей великой социалистической стране.

Идея создания Еврейской Советской Республики пользуется исключительной популярностью среди широчайших еврейских масс Советского Союза и среди лучших представителей братских народов.

В строительстве Еврейской Советской Республики оказали бы нам существенную помощь и еврейские народные массы всех стран мира, где бы они ни находились.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем:

1. Создать Еврейскую Советскую Социалистическую Республику на территории Крыма.

2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

С. М. МИХОЭЛС  
ШАХНО ЭПШТЕЙН  
ИЦИК ФЕФЕР

Тт. Маленкову, Микояну, Щербакову, Вознесенскому.

В. М. Молотов, 24 февраля 1944 г.

В архив. Тов. Щербаков ознакомлен. 28 февраля 1944 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 169–172. Копия.)

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Гейзер М. М. Крымское дело // Международная еврейская газета. 1992. № 13–14 (77–78). С. 6.

<sup>2</sup> Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003. С. 81–82; Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; Борщаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994.

<sup>3</sup> Борщаговский А. М. Указ. соч. М., 1994. С. 123, 132, 134, 137, 353–357.

<sup>4</sup> Кожин В. В. Россия. Век XX (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999.

<sup>5</sup> Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. М., 1996. С. 365–366; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 86. Л. 81.

<sup>6</sup> Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 340–341.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 890. Л. 214.

<sup>9</sup> Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 349.

<sup>10</sup> Там же. С. 343.

<sup>11</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в 2-х т. / Министерство иностранных дел СССР. Т. 2. М., 1984. С. 139–146.

<sup>12</sup> Свидетельства профессоров С. А. Мадиевского (Германия) и Давида Фоглесонга (США): Д. Фоглесонг исследовал фонд А. Гарримана в Библиотеке Конгресса США; George F. Kennan. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967); Harriman W. A. and Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. London, 1976.

<sup>13</sup> Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета /Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1994. С. 24, 280.

<sup>14</sup> Там же. С. 154, 155.

<sup>15</sup> Мицель М. Программы “Джойнта” в СССР. 1943–1947 // Материалы Девятой международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2003. С. 121.

<sup>16</sup> Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 124, 125, 152.

<sup>17</sup> Неправедный суд. С. 25, 125, 152.

<sup>18</sup> Мицель М. Указ соч. С. 127, 128.

<sup>19</sup> JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056. 9/13/43 (приведенные здесь и далее сведения из архива “Джойнта” в Нью-Йорке были выявлены американским исследователем Е. Ю. Шехтером); Мицель М. Указ. соч. С. 122–123;

<sup>20</sup> JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056. 9/27/43.

<sup>21</sup> Мицель М. Указ. соч. С. 124.

<sup>22</sup> Мицель М. Указ. соч. С. 125–127.

<sup>23</sup> JDC NY Archives Collections 1933–1944. File 1056 (431). 3/7/45, 4/23/45, 5/5/45, 6/7/45, 6/18/45, 10/10/45; “Joint” to the Relief Association for the Jews in Russia: 3/7/45, 6/7/45, 7/20/45, 12/24/45.

- <sup>24</sup> Мицель М. Джойнт // Холокост на территории СССР. Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. М.: РОССПЭН, 2009. С. 206–208.
- <sup>25</sup> Аронсон Г. Я. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и др. (Союз русских евреев. Нью-Йорк, 1968). Иерусалим – М. – Мн., 2002. С. 159.
- <sup>26</sup> Неправедный суд... С. 279.
- <sup>27</sup> Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 126.
- <sup>28</sup> Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 126; Мицель М. Указ. соч. С. 127.
- <sup>29</sup> Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 131.
- <sup>30</sup> Там же. С. 126.
- <sup>31</sup> Гейзер М. М. Крымское дело // Международная еврейская газета. 1992. № 13–14 (77–78). С. 6.
- <sup>32</sup> Неправедный суд... С. 173.
- <sup>33</sup> Там же. С. 28.
- <sup>34</sup> Там же. С. 174.
- <sup>35</sup> Там же. С. 28, 174, 179, 280.
- <sup>36</sup> Исторический архив, 1996. № 4. С. 69.
- <sup>37</sup> Там же.
- <sup>38</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 169–172.
- <sup>39</sup> Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. 1941–1953. Кн. 1. 1941 – май 1949 г. М., 2001. С. 76, 77, 96, 97; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge (UK), 1988. P. 346.
- <sup>40</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 84. Л. 99.
- <sup>41</sup> Любин В. Израиль в центре Европы: неизвестный проект создания еврейского государства на территории Германии // Материалы Девятой международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2002. С. 108–118; Levin D. Another Birobidzhan in Eastern Prussia // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. № 1(50). P. 227–228; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 797. Л. 102.
- <sup>42</sup> Неправедный суд... С. 178.
- <sup>43</sup> Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С. 343; Redlich Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941–1948. Boulder (Colo), 1982. P. 54–56.
- <sup>44</sup> Неправедный суд... С. 342.
- <sup>45</sup> Там же. С. 175, 342.
- <sup>46</sup> Лебедев В. Длинная рука истории, или Полторанин в Крыму // Лебедь (сетевой журнал; США). 2008. № 569; Еврейское слово. 2008. № 27 (397). С. 10–11.
- <sup>47</sup> Запись беседы Н. С. Хрущёва с делегацией Рабочей прогрессивной партии Канады, состоявшейся 29 августа 1956 г. // Источник. 1994. № 3. С. 99.
- <sup>48</sup> 15 февраля 1944 г. такое же письмо было направлено И. В. Сталину (ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 792. Л. 32–36; опубликовано: Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С. 136–139).
- <sup>49</sup> Эти оценки, сделанные ЕАК в феврале 1944 г., то есть до освобождения всей советской территории, оказались не точными. Всего на оккупированной территории погибли 2 711 тыс. евреев (Kupovetsky M. Estimation of Jewish Losses in the USSR during World War II // Jews in Eastern Europe. 1994. № 2 (24). P. 25–37).
- <sup>50</sup> Это предположение не подтвердилось. Почти все польские и румынские евреи после войны покинули СССР. Согласно достоверной оценке, из Советского Союза выехали почти 250 тыс. польских евреев, составлявших подавляющее большинство иностранных еврейских беженцев в СССР (Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история. С. 162).
- <sup>51</sup> Эта оценка тогдашней численности еврейского населения СССР была завышенной. В 1946 г. численность евреев в СССР составляла 2 310 тыс., в том числе 2 045 тыс. изначально советских граждан и 265 тыс. евреев с присоединённых в 1939–1940 гг. территорий (Kupovetsky M. Op. cit. P. 37).
- <sup>52</sup> Выделено авторами письма.